

27. Rede des ungarischen Landtags–Abgeordneten Adolf Ritter von Dobransky in der Adressangelegenheit. – Wien, 1861. – 56 s.

The article analyzes the views of the deputy of the Hungarian Parliament Adolf Dobriansky, who would be laid by him in Parliament on targeted debate.

Key words: Adolf Dobriansky, Hungarian-Ruthenian people, the Hungarian parliament, avstroslavizm, national movement.

Отримано: 08.04.2013

УДК 94(477)«18»(075.8)

А. А. Заводовський

РЕЦЕПЦІЯ СТАТТІ М. ЧЕРНИШЕВСЬКОГО «НАЦІОНАЛЬНА БЕСТАКТНОСТЬ» В УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ ПЕРІОДИЦІ ПОЧАТКУ 60-х рр. XIX ст.

Автор статті аналізує полеміку, що з'явилася на сторінках українських та російських періодичних видань «День», «Основа», «Слово», «Современник», «Современная летопись Русского вестника» та ін. з питань націєтворення у русинів Австрійської імперії, після виходу статті «Национальная бестактность» М. Чернишевського.

Ключові слова: націєтворення, русини, «национальная бестактность», «Основа», «Слово», «Современник», М. Чернишевський.

У XIX ст. серед русинів Австрійської імперії почалися процеси націєтворення. Засвоюючи логіку націоналізму, русинські «будителі» почали конструювати модерну мову, творити «національну» літературу, видавати газети та журнали. Вони намагалися вирішити мовне питання, вживаючи так звані два «стилі»: «низький», що був побудований на карпаторуських діалектах і вживався у творах для народу, і «високий» – «слов'яно-руську мову» (суміш російської, церковнослов'янської та місцевих діалектів, що одержала назву «язичіє»). Культурно-просвітницька діяльність «будителів» була позначена тим, що практично всі вони були священиками. Так марамороський «будитель» С. Мустіянович писав, що в Угорській землі із світських осіб, хіба що два-три підтримують національно-літературні змагання... бо інтелігенцію і аристократію у русинів представляють виключно греко-католицькі священники.

У липневому випуску петербурзького журналу «Современник» за 1861 р. анонімно було опубліковано статтю М. Чернишевського «Национальная бестактность» [1, с.775-793], написану з приводу двох перших чисел русинської газети «Слово», що виходила у Львові. Він дає кілька порад галичанам у справі їх перших кроків у процесі націєтворення. Перша порада редактора «Современника» русинам – доцільність для галичан замість конфронтації з поляками співпрацювати з ними проти монархічної влади, оскільки, як вважав автор статті, редакція «Слова» «ошибается, воображая в поляках вражду против русинской национальности» [1, с.775]. Чернишевський не розумів «Зачем же львовское «Слово» на каж-

дой строке твердит русинському народу: «считай своими врагами всех поляков, считай своим другом каждого русина», – зачем оно внушает русинскому народу эту фальшь, против которой само свидетельствует в забывчивости?» [1, с.778];

Друга порада автора статті стосувалася доцільності мовної єдності галицьких русинів і наддніпрянських маоросів, як запоруки в майбутньому єдності політичної: «Львовское «Слово» основывает свои права и надежды на том, что малорусское племя – племя из 15 миллионов человек. Зачем же говорить о племенном единстве ломаным языком, каким никто не пишет нигде, кроме Львова? Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший: зачем отделяться от них? Разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим наречием? Но если так, вы – уже не малороссы: вы как лужичане – отдельное племя» [1, с.779]. «Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяетесь от общей малорусской литературы? Одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство. Эти маленькие части больших народностей что-нибудь значат в чем бы то ни было – в литературе ли, в политической ли жизни – только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа» [1, с.789-790];

Третя порада стосувалася активної участі греко-католицького духовенства у світських справах, яка, на думку автора, негативно впливає на громадсько-політичне життя галицьких русинів [1, с.782].

Ця публікація «Современника» викликала тривалу полеміку за участю багатьох періодичних видань. Погляд Чернишевського на питання про мову русинських видань у Галичині цілком збігався з виразно артикульованою позицією «Основи». Так, відповідаючи «Современной летописи Русского вестника»¹, у якій писалосся про близькість мови галицьких письменників-русинів до російської літературної мови, невідомий автор «Основи» зазначав: «Искусственность и безжизненность галицко-русской литературы суть естественные последствия неестественного ее положения и отдаления ее от языка народного» [2, с.256]. У нотатці, якою «Основа» супроводила публікацію програми газети «Слово», було зауважено: «... «Слово» тогда будет иметь успех, тогда достигнет цели, когда делается народным не только по своему намерению, не только по мысли, но и по языку: «Лучше свое латане, ніж чужее

¹ Катков в «Современной летописи Русского вестника» зазначав: «Русские составляют большинство народонаселения в Галиции. [...] они имеют письменность; язык, ими употребляемый, гораздо ближе к нашему литературному языку, чем то малороссийское наречие, каким пишут наши украинские литераторы. [...] Писатели Червонной Руси стараются более о том, чтобы сблизить свое наречие с литературным, общерусским языком, не следуя примеру наших украинских литераторов, которые передразнивают все оттенки и тоны народного говора». Катков підтвердив позицію свого видання стосовно мови галицьких та наддніпрянських літераторів і скептично висловлювався про перспективи розвитку українського письменства [5, с.13].

хватане, лучче своє лохматне, ніж чужее прохатне». Этого народного языка следует искать не в книгах, а в живом слове народа: оно должно быть главным источником и основой письменной словесности; из него, как из корня, она должна развиваться и расцветать. Пользуясь без разбору другими языками, что мы беспрепятственно замечаем у галицких русских писателей, «Слово» может достигать посторонних целей, но – не главной, и никогда не делается живым органом народной мысли и чувства, никогда не будет душою народной жизни» [3, с.82].

Згодом в одному із своїх листів до галицьких русинів член редколегії «Основи» П.Куліш писав: «Чом се ви, панове-браття, не хапаетесь нашої мови, а пишете на взір того, як у нас колись писали по академіях, та й покинули? У нас із вами виходить не одна, а дві літератури. Ваша словесность така ж од нашої далека, як і московська. І правопись ваша якась чудна, що хто не був у вас і не чув, як ви вимовляєте, то читатиме ваші книжки по-московськи. Чи не можна б на се звернути увагу в вашому «Слові»? Перечитайте, що ми пишемо в «Основи» про нашу словесность. Здається, що й вам би так годилося розумувати; а то ми йдемо двома дорогами і Бог знає, коли докупі зійдемося» [4, с.250].

У вересневому числі за 1861 р. в замітці «Од редакції» зазначалося: «В нескольких письмах нас просят высказать наше мнение по поводу статьи, помещенной в одной из последних книжек «Современника» под названием «Национальная бестактность». Не имев, до настоящей минуты, под рукою русинской литературно-политической газеты «Слово», по затруднительности получения славянских изданий из Австрийской империи, мы не могли удовлетворительно отвечать на сделанные нам запросы; теперь же, получив, наконец, при помощи с-петербургской газетной экспедиции, последние номера «Слова», мы надеемся, в X-ой книжке «Основы», сообщить нашим читателям данные, убедительные для всякого» [6, с.193].

Однак ставлення автора статті «Национальная бестактность» до інших тем, пов'язаних з ситуацією з русинами в Австрійській імперії, викликало в «основ'ян» застереження: «вина враждебных отношений между русинами и поляками вовсе не со стороны русинов и, в особенности, не со стороны униатского духовенства, которое в Галичине лучше, чем где-либо, понял свое призвание посреди пренебреженного народа, открыто и прямодушно становится на сторону угнетаемых и смело борется за его права, несмотря на свою бедность, на оскорбления и поругания, которыми щедро наделяют своих противников сильные интригою, богатством и политическим преобладанием иезуиты – в ксендзовской и нексендзовской в религиозной и нерелигиозной сфере» [6, с.193].

Критичні зауваження щодо думок, висловлених Чернишевським в «Современнике», виклав професор слов'янської філології Петербурзького університету В. Ламанський у часописі «День». На його погляд, русини мають послуговуватися російською, а не малоросійською мовою, а М. Чернишевський «ошибочные мнения об языке» «Основи» «довел до конца и тем обличил всю их несостоятель-

ность» [7, с.15]. Професор скептично висловлювався про перспективи розвитку українського письменства: «Признаемся, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшею нелепостью. Эта литература возможна только при условиях самых невообразимых» [7, с.16]. В. Ламанський прямо порівнював малоросійську мову з говірками (patois) у Франції, підкреслюючи недоцільність намагань українофілів перетворити це наріччя в розвинену мову, коли «для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык» [7, с.16]. У зв'язку з претензіями поляків на об'єднання Західного краю с Царством Польським, В. Ламанський пише: «Малоруссы и Великороссы с Белорусами, при всех несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских учреждений [...] Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению Русской народности, к распаденію и разделу Русской земли» [7, с.16].

Стаття В. Ламанського безпосередню зачіпала «Основу», чим викликала реакцію «основян»: «...возражение на некоторые мнения, высказанные в статье «Национальная бестактность» и во 2-м номере «Дня», найдено полезным до времени отложить. Полагаем, что читатели «Дня» (если не сам Ив. С. Аксаков и не Вл. Ив. Ламанский), внимательно прочтя одну эту книжку «Основы», усомнятся в справедливости преждевременного проричания названных нами двух писателей насчет дальнейшего развития украинской словесности. Не развивается только та словесность, которая не проникнута живою идеей, которая проповедует идеи ложные или возбуждается к движению искусственно сочиненной теорией, не имеющей связи с действительными, жизненными началами. Если бы наша словесность была в таком положении, то мы сами пожелали бы ей – скорее оправдать московских пророков; но пока этого не случилось, – мы будем по-прежнему любить родное слово, нисколько не сомневаясь, что путь, по которому идет оно, и прямее, и яснее того, что думает освещать для нас (и для галичан) «День» с высоты своего наставнического величия» [8, с.157].

На останніх сторінках того ж числа «Основи» було вміщено байку Куліша «Гоголь і Ворона»¹ з приміткою, в якій, зазначалося:

¹ Протягом жовтня 1861 – січня 1862 рр. Максимович надрукував на шпальтах «Дня» цикл статей «Оборона украинских повестей Гоголя». Відповідь Куліша на статті Максимовича було супроводжено приміткою Аксакова: «мы искренно желаем полнейшего процветания «Основе» и полнейшей, беспрепятственной свободы развитию малорусской литературы, отчасти именно для того, чтоб наши горячие малоруссы-литераторы убедились на опыте, сами, возможно ли создать отдельную малорусскую словесность в том смысле и в тех размерах, какие они предполагают... Малороссия вследствие разных исторических условий не выработала и не могла выработать другого языка, кроме простонародного, а выработает ли – это вопрос, который для нас а priori решается отрицательно (почему – об этом мы уже говорили и скажем в свое время), – а posteriori пусть решится он свободно самой жизнью!» [10, с. 17].

«Украинское слово, по моему глубокому убеждению, способно проявить себя со временем во всех родах и видах стихов и прозе... Само дело убедит в этом, может быть, скоро наших антиподов..., которые пророчески решают вопросы жизни и смело утверждают, что наше слово способно к тому-то и неспособно к тому-то» [9, с.205].

На сторінках жовтневого числа «Современника» за 1861 р. у полеміку із Ламанським вступив Чернишевський. У статті «Народная бестолковость» він спростовував некоректні закиди Ламанського щодо його порад, висловлених галицьким русинам в «Национальной бестактности» писати «своим малорусским языком, а не ломаным нашим литературным языком». Автор наголошував на обґрунтованості й органічності позиції «Основи» щодо перспектив розвитку українського письменства [11, с.404]. Однак, після того як «Основа» виступила проти ряду положень статті «Национальная бестактность», її стосунки з «Современником» погіршилися. На початку лютого 1862 р. побачило світ січневе число «Современника» із сатиричним додатком «Свисток» за № 8, у статтях якого містилися жорсткі випадки проти «Основи» у зв'язку з її позицією в полеміці з єврейським журналом «Сион»: «сыны благословенной Малороссии, изучая, самым усердным образом, философию, все-таки не смогли уразуметь – чем жид отличается от собаки, равно как и того, что – кроме искусства делать сало и хорошие наливки – для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания» [12, с.231]. Не менш жорсткими були випадки проти статті Костомарова «Тысячелетие», що була надрукована 9 січня 1862 р. в газеті «Санкт-Петербургские ведомости») [12, с.230-231, 233, 240-241, 250-254, 257, 261].

На закиди «Свистка» «Основа» відповіла гострою реплікою редактора¹: «Галицко-польская партия, как видно, много рассчитывала на эту статью и странным голосом ее, будто бы общим всему образованному русскому миру, думала лишить галицких русинов права на умственную жизнь и на самостоятельное народное развитие. Но партия ошиблась; статья произвела совсем не то действие, какого ожидали. По словам галицких русинов, автор статьи или вовсе не знает ни истории Галицкой Руси, ни нынешнего ее положения и рассчитывал только на то, что голос столичного журнала будет и без того авторитетен, или нарочно не хотел сравнить действий австрийского правительства в отношении к галицким русинам с действиями бывшей Речи Посполитой польской и нынешней галицкой партии. Как бы то, впрочем, ни было, только статья «Современника» не достигла цели и по обстоятельствам, сопровождавшим появление ее в Лемберге, только усилила в представителях русских галичан недоверие к партии, которая и без того своими странными требованиями довела дело, как кажется, до того, что не может уже рассчитывать на примирение с ними» [13, с.102].

У березневному числі «Основи» за 1862 р. було опубліковано статтю студента університету св. Володимира П. Житецького «Русский

¹ Після цієї публікації стосунки Костомарова з Чернишевським остаточно розірвалися [14, с.70-71].

патриотизм. (Ответ «Дню»)), в якій різко критикувалися погляди Ламанського на «малороссийское наречие» [15, с.1]. У травні часопис надрукував невіддану статтю «Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины)», автор якої критично розглянув засадничі положення «Национальной бестактности»¹ і запропонував «определить, насколько партия, действующая под знаменем «русского патриотизма», способна понять современную действительность, насколько она имеет живого практического смысла» [16, с. 1].

Насамперед автор статті означив основні положення «Национальной бестактности»: «... в ней указывают русинам на то, что они пишут языком великорусским и т[аким] обр[азом], отстраняясь от южнорусского племени, не могут рассчитывать на сочувствие со стороны последнего; что они во вред себе враждуют, а не сближаются с поляками, бесполезно прибегают под покровительство австрийского министерства и тем сами себя ставят в совершенно изолированное положение; наконец, петербургский публицист советует русинам оставить неосновательные, детские жалобы на поляков за прежнее порабощение и за настоящие мнимые оскорбления (т. е. забыть свою историю), не писать великорусским языком и всецело соединиться с поляками, которые, как полагает автор, готовы будто бы сделать всевозможные уступки галицийским малоруссам. Может быть, автор не думал прийти к таким крайним решениям, но он, к сожалению, пришел к ним – и горько ошибся. В том, в чем он уверяет, – увь! – нельзя уже убедить ни украинских, ни заднепровских, ни галицийских малоруссов» [16, с. 1].

Автор докладно, спираючись на значний фактичний матеріал, розглянув дискусійні тези «Национальной бестактности», найбільше уваги присвятивши відносинам русинів із поляками: «Галицийские малоруссы, или рутены (Ruthénes), как называют их немцы и поляки, хотя быть и называются русскими и решительно не желают подчиниться руководительству интеллигентной либеральной польской нации. Почему? Это понятно: стоит только поближе узнать, как понимают русинскую народность эти руководители, какие лжи распространяют о ней на Западе и у себя дома» [16, с.1].

Автор статті переконаний, що «главные стремления братьев-поляков – подавить русинскую национальность, заподозрить русинов в глазах правительства, обвинив их в коммунизме, в склонности к схизме и к соединению с Россиею». Для невідомого кореспондента «Основи»: «странно, что автор [Чернишевський – А.З.] не понял отношений русинов к полякам: он, вероятно, не знает, что народ ведет здесь нескончаемую тяжбу с бывшими своими помещиками» [16, с.1]. У статті зазначалося: «Для нашей цели достаточно обсудить те воззрения на малорусскую литературу, которые высказаны в статье «Дня», направленной против «Современника», устраняя от себя вопрос о русинской литературе, по поводу которой, собственно, и возник спор между «Современником» и «Днем»,

¹ Щодо авторства статті «Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины)» серед дослідників ще не визріло єдиної думки. Див.: Дутко В. Стаття Івана Лашінукова «Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины)» (1862): атрибуція, проблематика, контексти. – С. 362-385.

и не касаясь, с другой стороны, тех начал, которых придерживается «День» в международных, славянских отношениях» [16, с.2].

Наступною реплікою «Основи» щодо «Национальной бестактности» Чернишевського була анонімно надрукована у липневому числі за 1862 р. стаття М. Костомарова «Историческая неправда и западно-российский патриотизм», присвячена критичній статті Гогоцького надрукованій у першому числі «Вестника Юго-Западной и Западной России» під назвою «Заметка на статью «Современника» «Национальная бестактность»». У ній Костомаров, частково погоджуючись з Чернишевським, відстоює право «южнорусской народности и ее языка» на окремішне майбутнє: «В разборе статьи г. Чернышевского «Национальная бестактность» (где, при действительном незнании многих сторон галицко-русской жизни есть, однако, верные взгляды, возбуждившие, как нам достоверно известно, сочувствие у западных славян, которым сильно опротивело австрийское правительство) неизвестный критик заранее изрекает южнорусской народности и языку приговор, называя нелепостью стремление к самостоятельному их развитию. Трудно спорить об этом и впрямь, и вкось. Успех и неуспех зависит, во-первых, от большей или меньшей степени свободы, которой будет пользоваться это стремление, и, во-вторых, от явления талантливых писателей на этом языке» [17, с.79].

На думку кореспондента «Основи», «После Квитки и Артемовского-Гулака этот язык в литературном движении был уже не таков, как в сочинениях Котляревского, после Шевченка и Кулиша он подвинулся далее, чем был при Квитке. Что может на нем явиться – кто может пророчить?» [17, с.80]. Насамкінець автор з задоволенням зазначав: «мы замечаем, что «Слово», в последнее время, более и более покидает свою тарабарщину и усваивает живую народную речь» [17, с.81].

Погоджувався Костомаров і з аргументами Чернишевського щодо мови, якою мають писати русини Австрійської імперії: «Но, во всяком случае, автор «Национальной бестактности» совершенно прав, советуя русинам держаться южнорусского языка, на котором образовалась уже литература. Мы не поставили бы львовскому «Слову» в вину, если б оно писалось и на чистом великорусском наречии; но что же делать, если жаргон производит на наши уши впечатление, какое оставляет ерзание грифеля по стеклу. Отвращение к такому языку, очень напоминающему творения Василия Кирилловича Тредиаковского, мы вполне разделяем с автором «Национальной бестактности» [17, с.80].

Критично поставився до «Национальной бестактности» М. Чернишевського і М. Драгоманов в своїй праці «Историческая Польша и великорусская демократия: «Не может быть сомнения в том, что Чернышевский писал свою статью по справкам, какие он получил от своих польских друзей в Петербурге... Совершенно понятно, что польские деятели разных оттенков мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста столь талантливого и влиятельного, как Чернышевский, и побудить его по-

дать свой голос об украино-польских отношениях. [...] Обсуждая украинско-польские отношения, Чернышевский не только не понял голодного – или, по крайней мере, более голодного, но даже изложил его положение главным образом на основании показаний того, кто у него отнимает хлеб» [18, с.138]. Далі Драгоманов зазначив: «Чернышевский не дал себе труда не только изучить положение дел в Галиции, но и изложил его или совершенно произвольно, или с голоса польских исторических патриотов. Так, например, совершенно фантастичным является у него предположение, что в Галиции русины-землевладельцы (помещики) одинаково относятся к русинам-крестьянам, как и землевладельцы-поляки. Никаких русинов-землевладельцев не существует в Галиции, как и по всей Украине на правом берегу Днепра, и следовательно все выводы, которые строит дальше великорусский демократ на своем предположении, не имеют ровно никакого значения» [18, с.139].

Іронізуючи наднаступною тезою Чернишевського, Драгоманов зазначав: «Положение же, что будто «сословная партия польская в Галиции не имеет к русинской национальности ровно никакой вражды, а по сословному положению теперь расположена к чрезвычайно большим уступкам в пользу поселян как польского, так и русинского племени» – взято на веру у польских оптимистов и тоже совершенно противно тому, что было и есть в действительности. Предположение же, что будто какие-нибудь землевладельцы in согорге могут быть расположены к чрезвычайно большим уступкам в пользу поселян, даже и a priori должно бы было показаться неверным такому хорошему экономисту, как Чернышевский. Он первым бы передал в редакцию «Свистка» подобное положение, если бы оно доставлено было ему, например, из Владимирской губернии, – а польским оптимистам он поверил!» [18, с.147].

Оцінюючи статтю «Национальная бестактность», Драгоманов закидав її автору некомпетентність та заангажованість у русинському питанні в Австрійській імперії: «Чернышевский подошел было очень близко к сущности дела, усмотрев в политической борьбе, которая происходила в Галиции, социальную подкладку, но совершенное незнание подробностей дела продиктовало совершенно неожиданные и вполне несоответствовавшие действительному положению дел заключения» [18, с.148].

Драгоманов доходить висновку, що «в статье Чернышевского, по крайней мере, не соблюдена мера в накладывании красок: на сторону политиков галицийских положены все темные краски, тогда как для их польских противников сохранены исключительно светлые краски, и притом совершенно произвольные» [18, с.149]. Стосовно мови галицьких українців він зазначав: «Галицийские русины не пишут, да и не могут писать по-великорусски по той естественной причине, что не знают великорусского языка и не имеют возможности изучить его. Русины пишут таким языком, какой они успели выработать, приняв в основу свой народный язык и язык книжный русский, признавая этот последний языком не московским, а общерусским. Русины того мнения, что русский книжный язык возник в Южной Руси и только усовершенствован

великоруссами, и современный литературный червонорусский язык по своим формам, без сомнения, ближе к малорусскому, чем к великорусскому» [18, с.149]. Далі у доказ того, що русини пишуть не російською мовою, Драгоманов наводить уривок з газети «Слово», зазначаючи, що «разница этого языка с великорусским еще более усиливается тем, что слова произносятся не так, как они написаны, а по-южнорусски» [18, с.150].

Таким чином, в періодиці початку 60-х рр. ХІХ ст. було піднято ряд питань, що стосувалися процесів русинського націєтворення в Австрійській імперії. Здетонувала цю полеміку стаття М. Чернишевського «Национальная бестактность». Дискусія показала, що серед громадських діячів Російської імперії існували різні точки зору щодо подальшої модернізації мови русинів, участі у процесі русинського націєтворення представників уніатської церкви, співпраці польської та русинської політичних еліт на Галичині.

Список використаних джерел:

1. Чернышевский Н.Г. Национальная бестактность // Н.Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. : в 15 т. – М., 1950. – Т. 7. – С. 775-793.
2. Ответ «Современной летописи Русского вестника» // Основа. – 1861. – Февр. – С. 256-257.
3. Кулиш П. Галицко-русская газета «Слово» / П. Кулиш // Основа. – 1861. – Март. – С. 82.
4. Студинський К. Слідами Куліша / К. Студинський // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1928. – Т. СХLVІІІ. – С. 248-252.
5. Катков М. Москва, 25-го января / М. Катков // Современная летопись Русского вестника. – 1861. – Янв. – № 4. – С. 12-13.
6. Од редакції // Основа. – 1861. – Сент. – С. 193-194.
7. Ламанский В. «Национальная бестактность». Статья «Современника», 1861, июль, о львовском «Слове», №№ 1 и 2 / В. Ламанский // День. – 1861. – 21 окт. – № 2. – С. 14-19.
8. Литературные известия // Основа. – 1861. – Окт. – С. 157.
9. Кулиш П. Гоголь и ворона / П. Кулиш // Основа. – 1861. – Окт. – С. 205.
10. Несколько слов об обороне Гоголя и нападении его земляков // День. – 1861. – № 7. – 25 нояб. – С. 17-18.
11. Боград В. Журнал «Современник». 1847-1866 гг. – С. 404.
12. Див.: Свисток : Собрание литературных, журнальных и других заметок : Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859-1863 / изд. подгот. А.А. Жук и А.А. Демченко. – М., 1981. – 486 с.
13. Всегда ли верно свистят в «Современнике»? // Основа. – 1862. – Лют. (февр.). – С. 101-106.
14. Див.: Шаблювський Є.С. М.І. Костомаров і М.Г. Чернишевський / Є.С. Шаблювський. – К., 1982. – 385 с.
15. Житецкий П. Русский патриотизм. (Ответ «Дню») / П. Житецкий // Основа. – 1862. – Берез. (март). – С. 1.
16. Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины) // Основа. – 1862. – Трав. (май). – С. 62-74.
17. Историческая неправда и западно-российский патриотизм // Основа. – 1862. – Лип. (июль). – С. 79-81.
18. Драгоманов М. Историческая Польша и великорусская демократия / М. Драгоманов. – К. : Криниця, 1917. – 178 с.

The author of this article describes the controversy that arose in Ukrainian and Russian periodicals «Den», «Osnova», «Slovo», «Sovremennik», «Sovremennaya letopis' Ruskogo vestnika» concerning the topic of Ukrainian nation-building in M. Chernyshevsky's article «The national indiscretion».

Key words: *Rusyn nation-building, «Den», «Osnova», «Slovo», «Sovremennik», «Sovremennaya letopis' Ruskogo vestnika», Rusyn language, M. Chernyshevsky.*

Отримано: 14.03.2013

УДК 94(477.43)(092)

А. Б. Задорожнюк

О. М. СЕМЕНТОВСЬКИЙ ТА ЙОГО ПРАЦІ З ІСТОРІЇ КАМ'ЯНЦЯ-ПОДІЛЬСЬКОГО

Подано короткий огляд життєвого і творчого шляху О.М. Сементовського. Акцентовано увагу на його описі історії міста Кам'янця-Подільського, написаного і виданого у 1862 р.

Ключові слова: *О.М. Сементовський, опис, Кам'янець-Подільський.*

Особа О.М. Сементовського на сьогодні залишається маловідомою широкому загалу істориків. Разом з тим, саме він у 1860-х рр. підготував і опублікував один із перших російськомовних описів міста, видавши його у Санкт-Петербурзі. При цьому, авторське бачення історії міста стало популярним в середовищі російських чиновників, які мали призначення на Поділля і до Кам'янця, формувало тогочасне розуміння губернського центру російським чиновництвом. Вражаючим залишається глибина авторського пошуку. При надзвичайно короткому перебуванні у Кам'янці, О. Сементовський зумів досягнути витоків і перебіг історії міста, систематизувати її і виробити власну концепцію, яка до речі була прийнята і розроблена наступними дослідниками.

Завданням даної розвідки є коротко охарактеризувати діяльність О.М. Сементовського, зосередивши основну увагу на його описі історії Кам'янця-Подільського. Аналізуючи працю дослідника робимо спробу з'ясувати основні акценти роботи, розкрити її наукову цінність.

Олександр Максимович Сементовський (Сементовський-Курило) (1821-1893 рр.) народився в серпні 1821 року в сім'ї полтавського дворянина, лікаря Максима Пилиповича Сементовського-Курило. Після закінчення курсу в Ніжинському ліцеї, у 1840 році Олександр Сементовський вступив на службу у драгунський полк великого князя Михайла Павловича, у якому 31 серпня 1841 року отримав звання прапорщика, після чого був переведений у Новоросійський 3-й драгунський полк. У 1842 році О. Сементовський залишив військову службу по причині незадоволення нею і переїхав у батьківський маєток.